

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2018, №3, Том 9 / 2018, No 3, Vol 9 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2018.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/06FLSK318.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Петров В.Б. Философия истории в романе В. Тендрякова «Покушение на миражи» // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2018 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/06FLSK318.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Petrov V.B. (2018). Philosophy of history in the novel by Vladimir Tendryakov «Attempt on the mirages». *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(9). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/06FLSK318.pdf> (in Russian)

УДК 82; 82-2,3

ГРНТИ 17.09

Петров Василий Борисович

ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет», Екатеринбург, Россия
Профессор кафедры «Социально-культурных технологий и иностранных языков»

Доктор филологических наук

E-mail: 45master91@mail.ru

Философия истории в романе В. Тендрякова «Покушение на миражи»

Аннотация. В статье исследуются характерные стилевые особенности вершинного произведения Владимира Тендрякова – романа «Покушение на миражи».

Новизна подхода к исследованию текста обусловлена рассмотрением поэтики романа на стыке литературы и философии. Рассмотрение философских исканий автора позволяет не только выявить характерные черты идеостилия художника, но и соотнести его произведение с философской прозой. Стилизовое своеобразие романа В. Тендрякова проявляется в сочетании лиризма, экспрессивных образов, дневниковой формы и философичности, основанной на парадоксальности суждений; в поисках решения глобальных социальных и нравственно-этических проблем в связи с соотнесенностью современного и уходящего в глубину веков прошлого; в свободной композиции, определяемой только движением мысли автора, его воспоминаниями и ассоциациями.

Целью исследования является изучение философии истории, представленной в романе В. Тендрякова, в свете волнующих автора проблем (Каковы истоки, движущие силы и пути исторического процесса? К чему ведет технический прогресс? Как соотносятся случайность и закономерность, свобода и необходимость, народ и личность в историческом дискурсе? В чем преемственность исторических эпох?).

Рассуждая о траектории исторического развития, герои В. Тендрякова приходят к нескольким выводам: 1) История создает творцов, но и личности творят Историю; в Истории нет безвестных людей; 2) «чем выше производительные силы, тем выше темп развития, их пожирающий»; 3) беды человечества во все времена не в способе производства, а в самом человеке.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что роман В. Тендрякова можно отнести традиции романтической концепции искусства как мифотворчества, в русле которой проявили себя Л. Андреев («Иуда Искариот»), М. Булгаков («Мастер и Маргарита»),

Аркадий и Борис Стругацкие («Отягощенные злом»). При этом особенностью романа «Покушение на миражи» является намеренная полемичность, стремление автора спровоцировать читателя, поставить перед ним вопросы... И надежда на мудрость читающего.

Ключевые слова: Тендряков; «Покушение на миражи»; «Евангелие от компьютера»; философия истории; Иисус Христос; общества и нравы; сказания

На протяжении всей истории человечества философия и литература были тесно связаны, поскольку их главной проблемой было осмысление человеческого бытия в окружающем мире. По справедливому замечанию С. Франка, «между художником и мыслителем существует органическое духовное родство, <...> ибо оба рода творчества истекают <...> из одного источника...» [7, с. 315]. И если «философ говорит силлогизмами», то «поэт – образами и картинами...» [1, с. 311]. Многие известные писатели (особенно в русской литературной традиции) прославились не только своими произведениями, но и философскими построениями. «Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных» [7, с. 163]. Достаточно вспомнить Николая Чернышевского (теория разумного эгоизма в романе «Что делать?») и Федора Достоевского (теория ответственности за нравственный выбор в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых»), Льва Толстого (идея непреложности исторических законов в «Войне и мире») и Владимира Соловьева (теория всеединства в лирике, в поэме «Три свидания», в философских работах «Чтения о Богочеловечестве», «Оправдание добра», «Смысл любви» и др.), Леонида Леонова (философско-концептуальный анализ проблем бытия в романе «Пирамида») и Михаила Булгакова (философия воздаяния по делам и вере в романе «Мастер и Маргарита»). При этом характерной особенностью русской философской мысли, по замечанию Николая Бердяева является ее нравственная составляющая [2, с. 57].

Особое место среди писателей, осмысляющих нравственные вопросы современности через призму мифологической ретроспекции, занимает Владимир Тендряков со своим философско-публицистическим романом-эссе «Покушение на миражи». Не случайно Аркадий Эльяшевич называет В. Тендрякова одним из самых видных современных представителей нравственно-философского направления в прозе [8]. Сочетание лиризма, экспрессивной образности, дневниковой исповедальности и философичности, основанной на парадоксальности суждений; поиски решения глобальных социальных и нравственно-этических проблем в соотносительности частного, сиюминутного и вечного, вырастающего из глубины веков; свободная композиция, определяемая только движением мысли автора, его воспоминаниями и ассоциациями, – вот наиболее характерные стилевые особенности тендряковского романа.

Бурный XX век – это век освобождения от многих иллюзий и миражей прошлого. Рационально мыслящее человечество обрело возможность не только исследовать тайны материи, но и моделировать тенденции социально-экономического развития. Однако все это вместе взятое не в состоянии ответить на поставленный вопрос. Своего рода ключом к пониманию этой проблемы становится в романе Тендрякова образ Христа, с которым наиболее тесно связаны представления о гуманизме и вере в противовес жестокости и безверию. Закономерным является тот факт, что мысль о Христе возникает в сознании многих писателей как точка нравственной опоры в развороченных злобой и жестокостью представлениях о мире. Этим объясняется явление Христа в «Двенадцати» А. Блока и в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, в «Факультете ненужных вещей» Ю. Домбровского и в «Плахе» Ч. Айтматова. Что произойдет, если, математически точно вычислив параметры личности, чья «туманная биография в каком-то смысле результат биографии всего человечества» [6, с. 34], и попытаться с помощью ЭВМ изъять его из истории?

Свое философско-публицистическое исследование В. Тендряков предваряет перечислением основных принципов подхода к материалу, которые заключаются в том, что

1. «надо уметь <...> видеть – великое через малое»;
2. между «обыденными конфликтами <...> и глобальными катастрофами <...> существует глубинная связь», то и другое порождено нарушением нравственных законов;
3. опасность для человека и человечества «кроется в нем самом»;
4. «грядущее проглядывается через прошлое»;
5. в историческом дискурсе легче всего ориентироваться по «человеческим маякам», каждый из которых «что-то собой отмечает»;
6. архаический свет исторического прошлого, «если даже он и кажется нам иллюзорным», способен дать ответы на многие вопросы современности [6, с. 5, 6].

В качестве, покусения на миражи (полемики со стереотипными представлениями) героям книги предлагается «убийство» Христа («Сказание первое. О несвоевременно погибшем Христе»); при этом в качестве миражей главному герою видятся устоявшиеся представления человечества о христианских постулатах, о связи поколений, о взаимозависимости технического прогресса и уровня жизни. В «Покушении на миражи» В. Тендряков представляет на суд читателей фантастический эксперимент – авторскую версию Истории после «покусения на Христа». При этом авторская философия истории строится на рассуждениях по следующим злободневным вопросам:

Каковы истоки, движущие силы и пути исторического процесса?

К чему ведет технический прогресс?

Как соотносятся случайность и закономерность, свобода и необходимость, народ и личность в историческом дискурсе?

В чем преемственность исторических эпох?

Публикации «Покусения на миражи» сопутствовала статья автора «Нравственность и религия», где писатель задается вопросом: «...к какой высшей цели стремится человечество, какой смысл заложен в его существовании?» [5]. Уже во вступлении к роману автор устами главного героя, Георгия Петровича Гребина, формулирует сквозную проблему – куда «течет поток рода людского», именуемый Историей? «Какие силы гонят его?» [6, с. 5]. Многократно повторяясь в разных вариациях, этот вопрос становится лейтмотивом романа («Камо грядеши, человецы?... <...> Камо грядеши? <...> Страдаем, стонем, скорбим, проливаем кровь, насильничаем, коснеем в невежестве, думаем, созидаем, открываем и несемся победно через века и тысячелетия. Куда?» [6, с. 30, 79, 109]).

Образ движущегося времени становится в романе полноправным действующим лицом. Время породило Христа и даже «покусение» не может изменить хода событий (компьютерный миссия воскресает); необратимое время оставляет на своем пути «памятники былого честолюбия, геройства, страданий, возвышенных и низменных страстей, бурлившей и остывшей жизни» [6, с. 18]; время ставит перед человеческим сообществом многочисленные вопросы: Может ли личность определить движение Истории? Можно ли изменить путь развития человечества? Можно ли построить счастливое общество?

Если в первой редакции романа главный герой по образованию и роду деятельности был историком, то в окончательном варианте – физиком, приверженцем парадокса Эйнштейна

(«Самое непостижимое в этом мире то, что он постижим» [6, с. 156], решившим «алгеброй проверить гармонию» [6, с. 33]. Подобно гётевскому Фаусту [3, с. 75], профессор Гребин, от лица которого ведется дневниковое повествование, «путешествует» во времени. Однако он вынужден признать, что «...так и не отыскал в истории мгновенья, про которое можно было бы сказать – остановись, ты прекрасно!» [6, с. 20]. Называя компьютерную программу, «Апостол», Гребин словно пишет новое Евангелие – «Евангелие от компьютера» (именно таким было рабочее название романа). Погружение в прошлое и попытка деформировать «необратимое время» (пять вставных легенд – «сказаний») – не что иное, как стремление многое прояснить в природе современного человека. Каждое «сказание» неразрывно связано с течением событий наших дней. Герои сказаний, видя окружающую несправедливость, мечтают построить идеальное общество, в котором люди были бы счастливы.

Иисус в сказании «О несвоевременно погибшем Христе» дерзнул позвать несчастных «в вымечтанное царство, где нет несчастных, нет ни обидчиков, ни обиженных» [6, с. 14]. Но проповеди его («Сын Человеческий есть господин субботы! <...> Каждый из нас послан на землю Богом. <...> В каждом человеке – Бог, каждого уважай, как Бога! [6, с. 10, 14, 16]) в силу преждевременной гибели так и остались не услышаны.

Диоген из Синопа, герой сказания «Откровения возле философской бочки», живет в бочке (вообще-то в глиняном сосуде – пифосе), ходит в тряпье, ест что придется и «угрюмо» презирает богатство. Диоген полагает, что причиной всех бед человечества является экономический прогресс, ставший основой социального неравенства: «Усердный земледелец! <...> Он понял, что мотыга плохо кормит его, догадался построить себе соху, запряг в нее вола... <...> Такого преступления никогда не сделает твой Александр, как бы он со своими войсками ни старался убивать разрушать, сжигать. <...> В мире родилась жадность, Аристотель. От жадности жестокость. От жестокости – ненависть!» [6, с. 45, 47]. Диоген за триста лет до появления Христа изрекает весьма похожие истины: «Подыми голову, Аристотель... <...> Видишь небо? Оно чисто <...>. Сравни его с грязной землей. А ласточек видишь?.. Они свободны и счастливы. Такой чистой когда-то была и земля. И на ней жили свободные люди, которые, как ласточки, не желали себе много» [6, с. 44-45]. Философия Диогена воспринимается как предтеча христианства. В Евангелии от Матфея читаем: «...не больше ли жизнь, чем пища, и тело, чем одежда. Посмотрите на птиц небесных, что не сеют, и не жнут, и не запасают запасов в закромах, и все же Отец ваш Небесный питает их; а вы, ненамного ли вы ценнее их?» [4]. Поэтому счастливым, с точки зрения древнего философа, можно быть лишь «когда ничего не хочешь» [6, с. 47]. Во второй главе романа мы узнаем, что профессор Гребин тоже размышляет о влиянии прогресса на падение нравов, а спор Диогена и Аристотеля возле «философской бочки» – ни что иное, как продукт программы «Апостол».

Третье сказание «О Павле, не ведающем Христа», с одной стороны, представляет историю нравственного перерождения Савла, с другой, – рассматривает вопрос взаимозаменяемости исторических личностей («Свято место пусто не останется. Будет другой, совершит то же самое» [6, с. 82]). Однако Гребин не просто заменяет одного исторического персонажа другим, а намеренно и не всегда корректно сталкивает в третьей главе их философию.

«Утилитарная мораль» «жестоковейного» Савла основана на ветхозаветном тезисе «Лучше убить одного, чтобы спасти весь народ». Однако эта мораль не в состоянии искупить гибель ребенка, и верный сподвижник Каиафы начинает задумываться о правоте своего дела: «Еще одна смерть, еще одно убийство. <...> А позади в пустом, темном, нищенском доме забилась в угол маленькая девочка – одна перед залитым кровью миром» [6, с. 91]. Перерождение Савла, продиктованное невозможностью спасти ребенка («Не девочку бежал спасать Савл – себя самого!») [6, с. 91], становится началом построения его философской

системы, поскольку «нет покоя на земле обетованной» [6, с. 94]. Не укоряя, в отличие от Диогена, способ производства, Павел, подобно Христу, уповает на улучшение нравов: «Если есть у тебя кусок хлеба, преломи его с тем, кто голоден. Если нет хлеба, голоден сам, найди доброе слово для такого же голодного. И тогда не око за око, не зуб за зуб, а благодарность за благодарность, спасение за спасение...», «Дурные сообщества развращают добрые нравы» [6, с. 94-95, 107]. Казалось бы, за неимением Христа ЭВМ выбрала достойную замену, подтвердив тезис «для госпожи истории незаменимых личностей нет» [6, с. 104]. Но случилось вовсе непредвиденное: «Убитый <...> Иисус воскрес, самая фантастическая из всех евангельских легенд... <...> машина ничего знать не знала о легенде, она ее вновь сотворила» [6, с. 104]. У героев В. Гендрякова закономерно рождается мысль о заданности в природе, о предопределении.

Главный герой четвертого сказания «Страсти о ближнем» вольноотпущенник Лукас, по замыслу новоявленных экспериментаторов должен был воплотить идеи своего учителя в жизнь. Вслед за Павлом он проповедует любовь к ближнему, которая для рабов заключается в смирении и трудолюбии, а для господ – в терпении и справедливости, ибо «трудящийся достоин награды своей... <...> Бог требует – хозяин, люби своих рабов, рабы обязаны любить своего хозяина!» [6, с. 128, 129]. Однако бунт в «Трех Птицах» обнажил несостоятельность надежд героя. Справедливое сосуществование рабов и господ оказалось невозможным из-за недостатков пресловутого технического прогресса в рабовладельческом обществе и дурных нравов. «Ты лжец, Лукас. <...> Ты лгал мне, себе, рабам, своему богу. Не может человек любить человека, – восклицает Аппий Статилий. – На земле слишком тесно, Лукас, люди мешают друг другу. Так было и так будет» [6, с. 132]. (Здесь просматривается намек на появление мальтузианской теории о перенаселении и голоде). «Любвиобильный вольноотпущенник» Лукас с негодованием воспринимает крушение своих надежд. Он не только внутренне понимает необходимость наказания рабов (палками), но не смеет противоречить казни бунтовщиков. Нравственным испытанием для героя становится выбор: стать жертвой или палачом; и Лукас лишь отчасти его выдерживает. С одной стороны, он готов пойти на смерть ради «ближнего» (пусть даже недостойного, умеющего только «жрать»); с другой стороны, – его проповедь у жертвенного столба («Перед смертью зову вас – любите! Мудрый блаженного, богатый нищего, сильный слабого! Любите, как братья! Жертвуйте всем ради любви, как я сейчас жертвую жизнью!» [6, с. 138]) воспринимается наивно и глупо. Слова Лукаса вызвали лишь смех рабов и легионеров. А Аппий Статилий, подойдя к Лукасу, брезгливо произносит: «Живи... И не будь шутом» [6, с. 139].

Размышляя об идеальном общественном устройстве, где «должны отсутствовать насилие и вельможное тунеядство, побуждения для зависти и корыстолюбия, необузданная роскошь и унижительная нищета» [6, с. 161], размышляя и не находя его, Георгий Петрович предлагает ЭВМ развить один из этих проектов – «Город Солнца». И машина послушно создает пятое сказание «Прощание с градом Осиянным», где итальянский священник Томмазо Кампанелла пишет книгу о привидевшемся в полубреду «городе, никому не ведомом, где нет несчастных, счастливы все» [6, с. 162].

Первое посещение Города Солнца с белоснежными стенами живописует общество всеобщего благоденствия с цветущими садами, трудолюбивыми, веселыми и радостными людьми. Здесь все общее: и труд, и поля, и науки. «В счастливом городе все общее – и жены тоже. Какому мужчине с какой женщиной сходитья, у них не решается по желанию, это вопрос государственной важности» [6, с. 164]. (Очень напоминает Единое государство из романа Е. Замятина «Мы»).

А городом этим управляют верховный правитель Сол (Солнце) и три его помощника – Пон, Син и Мор (Мощь, Мудрость и Любовь). Создавая прекрасную сказку, Кампанелла

мечтает, что Людовик XIV «прочтет его «Город Солнца» и возжаждет построить свое государство по вымечтанному образцу» [6, с. 165]. Но тщетно... Светлые идеи, подобно благородным проектам Платона, Яна Гуса, Томаса Мора, так и остались на бумаге. Более того, «словно в насмешку» над творением великого утописта, Людовика XIV величают «Король Солнце».

Прощание героя с Городом Солнца протекает в его предсмертных видениях. И сразу бросается в глаза, что «никто не встречает его улыбками», «поля вытоптаны и заброшены», «сады не цветут, не плодоносят», на почерневших и потрескавшихся стенах – повешенные; вместо благополучных людей – нищие в нечистых рубищах, с уродливыми лицами и выставленными напоказ гнойными язвами. В этом городе всем приказано радоваться, а все нерадостные, по замечанию одного из жителей, «висят по стенам, украшают наш город» [6, с. 167].

В темнице, где оказывается создатель Города Солнца («Я породил этот город, а меня схватили в нем как врага» [6, с. 169], Кампанелла встречает «старого знакомого» – бывшего правителя Сола. Их диалог раскрывает пороки утопических мечтаний героя. Попытка утвердить простой принцип, сформулированный впоследствии Луи Бланом («От каждого по способностям, каждому по потребностям»), оказались несостоятельными. Утопическая логика аскетического всеобщего счастья, для которого необходима «простая, здоровая пища, добротная, но не роскошная одежда, крыша над головой» [6, с. 171], вступает в противоречие с человеческой природой: «...сообща работать, складывать все в один общий котел, из него сообща черпать». А дальше? «Кому сколько следует?.. Как это определить? <...> Поставь себя на место добросовестного гражданина, надрывающегося на работе. Как ему не задуматься: я добываю, а за мой счет живет бездельник» [6, с. 170, 171]. В результате лучшие труженики перестали хорошо работать, поля и виноградники стали чахнуть, ткацкие мастерские выпускали плохую ткань... В город пришла нищета, ненависть и ложь. А следом – доноски и казни, поскольку нужно было любым путем прекратить среди населения «ужас перед будущим». Здесь и появился приказ вешать тех, кто не «радуется цветущей жизни» [6, с. 170, 171].

Историк Зыбков в споре с Ириной Сушко заметил: «Нельзя изменить нравы, <...> не меня социального устройства» [6, с. 101]. Но может ли идея всеобщего равенства стать основой справедливого общества? Компьютерная версия прощания с Городом Солнца однозначно отрицает такую возможность.

Рассуждая о траектории исторического развития, Георгий Петрович Гребин задается вопросом, почему «попытки наглядно представить социально справедливое общество оказывались "в обратном отношении к историческому развитию"»? [6, с. 175]. Парадоксален и вывод, к которому приходит герой: «во все времена <...> люди подчинялись одному бескомпромиссному закону – чем выше производительные силы, тем выше темп развития, их пожирающий» [6, с. 177]. Более того, «не в способе производства беда, а в самом человеке сидит ущербность» [6, с. 199].

Фактически Гребин подводит итог философии Диогена и наглядного воплощения утопической мечты о всеобщем счастье Кампанеллы. И эта позиция мотивируется словами: «Прошлое сидит в нас, оно наша плоть и наш дух, без него нас нет, мы – концентрат прошлого» [6, с. 178]. Историю творят люди, но и сама История создает «людей, как гигантов, так и пигмеев, героев и обывателей» [6, с. 150]. И каждый человек оставляет след после себя.

По сути дела, роман В. Тендрякова можно отнести к традиции романтической концепции искусства как мифотворчества, в русле которой проявили себя Л. Андреев («Иуда Искариот»), М. Булгаков («Мастер и Маргарита»), Аркадий и Борис Стругацкие

(«Отягощенные злом»). При этом особенностью романа «Покушение на миражи» является намеренная полемичность, стремление автора спровоцировать читателя, поставить перед ним вопросы... И надежда на мудрость читающего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т.Х. – М., 1956. – 724 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX века / О России и русской философской культуре. Философы русского зарубежья. – М., 1990. – 754 с.
3. Гёте И.В. Фауст. Трагедия / Пер. с нем., объяснит, прим., вступ. статья А.Л. Соколовского. – М.: «Мартин», 2007. – 416 с.
4. Евангелие от Матфея, 25:26 [Электронный ресурс.] Код доступа: <https://www.pravmir.ru/nagornaya-propoved-mf-5-7/>.
5. Тендряков В. Нравственность и религия // Наука и религия, 1987, №6. – С. 23-24.
6. Тендряков В.Ф. Покушение на миражи: Роман; Чистые воды Китежа: Повесть. – М.: Худож. лит., 1987. – 303 с.
7. Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – 657 с.
8. Эльяшевич А.П. Горизонталы и вертикали: Современ. проза – от семидесятых к восьмидесятым / Арк. Эльяшевич. – Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд., 1984. – 367 с.

Petrov Vasily Borisovich

Ural state forest engineering university, Yekaterinburg, Russia
E-mail: 45master91@mail.ru

Philosophy of history in the novel by Vladimir Tendryakov «Attempt on the mirages»

Abstract. The article examines the distinctive stylistic features of the vertex of the works of Vladimir Tendryakov «Attempt on the mirages» «The novelty of the approach to the study of the text is associated with the consideration of the poetics of the novel at the intersection of literature and philosophy. Consideration of the philosophical research of the author allows not only to identify characteristic features of idiostyle artist, but also to correlate his work with a philosophical prose. The stylistic originality of the novel by V. Tendryakov is manifested in the combination of lyricism, expressive images, diary form and philosophy, based on paradoxical judgments; in the search for solutions to global social, moral and ethical problems in connection with the relationship of modern and past, going back centuries; in a free composition, determined only by the movement of the author's thoughts, his memories and associations.

The aim of the research is the study of the philosophy of history represented in the novel by V. Tendryakov, in light of the author's concerns about the problems (What are the origins, driving forces and ways of the historical process? What does technological progress lead to? How do randomness and regularity, freedom and necessity, people and personality correlate in historical discourse? What is the continuity of historical epochs?).

Speaking about the trajectory of historical development, the characters of V. Tendryakov come to several conclusions: 1) History creates creators, but also individuals create History; there are no unknown people in History; 2) «the higher the productive forces, the higher the rate of development, their devouring»; 3) the troubles of mankind at all times not in the mode of production, but in the person.

The results of the study allow us to conclude that the novel by V. Tendryakov can be attributed to the tradition of the romantic concept of art as myth-making, in the direction of which L.Andreev («Judas Iscariot»), M. Bulgakov («Master and Margarita»), Arkady and Boris Strugatsky («Burdened with evil») proved themselves. At the same time, the peculiarity of the novel «Attempt on the mirages» is a deliberate polemic, the author's desire to provoke the reader, to put questions before him... and the hope for the wisdom of the reader.

Keywords: Tendryakov; «Attempt on the mirages»; «The gospel of the computer»; philosophy of history; Jesus Christ; societies and mores; legends

REFERENCES

1. Belinskii V.G. (1956). Polnyi sbornik sochinenii. [*Complete collection of works.*] Moscow, p. 724.
2. Berdiaev N.A. (1990). Russkaia ideia. Osnovnye problemy russkoi mysli XIX – nachala XX veka. [*Russian idea. The main problems of n thought of the XIX – early XX century.*] Moscow, p. 754.
3. Gete I.V. (2007). *Faust. Tragedy.* [Russ. ed.: Faust. Tragediia. Moscow: "Martin", p. 416.]
4. Pravmir.ru. (n.d.). *The Gospel of Matthew, 25:26.* [online] Available at: <https://www.pravmir.ru/nagornaya-propoved-mf-5-7/> (in Russian).
5. Tendriakov V. (1987). Morality and religion. *Science and religion*, 6, pp. 23-24. (in Russian).
6. Tendriakov V.F. (1987). Pokushenie na mirazhi: Roman; Chistye vody Kitezha: Povest. [*Attempt on the mirages: Roman; Pure waters of Kitezha: The Tale.*] Moscow: imaginative literature, p. 303.
7. Frank S.L. (1987). Russkoe mirovozzrenie. [*Russian outlook.*] Saint Petersburg, p. 657.
8. Eliashevich A.P. (1984). Gorizontali i vertikali: Sovrem. proza – ot semidesiatykh k vosmidesiatym. [*Horizontal and vertical: Sovrem. prose – from the seventies to the eighties.*] Leningrad: Soviet writer. Leningrad Branch, p. 367.